

Артур Трокопчук

Жены земли Беларусь

1000 лет истории
Беларуси в женских
образах

Артур Прокопчук

**Жены земли Беларусь.
1000 лет истории Беларуси
в женских образах**

«Издательские решения»

Прокопчук А. А.

Жены земли Беларусь. 1000 лет истории Беларуси в женских образах / А. А. Прокопчук — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-901733-8

1000 лет истории Беларуси (Великого княжества литовского) в женских образах. От Рогнеды и Ефросины Полоцкой до Светланы Алексиевич.

ISBN 978-5-44-901733-8

© Прокопчук А. А.
© Издательские решения

Содержание

История начинается от Рогнеды	6
Женщины Полоцкого княжества	6
В Великом Княжестве Литовском XIII – XVIII века	20
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Жены земли Беларусь 1000 лет истории Беларуси в женских образах

Артур Андреевич Прокопчук

Иллюстратор Артур Андреевич Прокопчук

© Артур Андреевич Прокопчук, 2017

ISBN 978-5-4490-1733-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

История начинается от Рогнеды

Женщины Полоцкого княжества (X-XII в.в.)

Все начинается женщиной и все с ней оканчивается. Женщина стоит в начале каждого поколения, печется, обучает первым шагам своих детей, свое продолжение в веках. Она закладывает, как принято говорить сегодня, обучающую матрицу в чистый разум (*tabula rasa*) дочерей и сыновей. Женщины, жены ревниво следят за мечущимися в поисках новизны своими мужьями и сыновьями, передают дочерям от своих матерей и бабушек культурные традиции. Они фильтруют привнесенную извне информацию, отсекают все лишнее, наносное, вводят в оборот необходимые для развития культуры новые достижения, навыки, алгоритмы, приспособления, чтобы передать их дальше – детям, внукам, правнукам. Женщины и оканчивают наш смертный путь – они обмывают, наряжают после кончины, оплакивают и провожают в последний путь каждого из нас...

Сегодня уже вроде бы разобрались с первой женщиной, генетической, так называемой, «митохондриальной Евой», и почти пришли к окончательному выводу о времени заселения Европы «второй волной» миграции человека из Африки. Но споры о том, как заселялись территории континентов, продолжаются. Бедой в этих спорах, камнем преткновения, являются не объекты дискуссий, а субъекты, главным образом историки, ангажированные своими правительствами и культурологической элитой. Так ведь хочется доказать «другим» свою первичность и чистоту в темном потоке исторической генеалогии. Чем ближе к нашим дням проводятся изыскания прошлого, тем более разночтений – время такое. Появляются новые независимые государства, новые политические сообщества, новые элиты – им хочется «историчности», подтверждения своих прав на территории, культуру, наконец, на умы своих избирателей. И предъявляются читателю многотрудные работы, как, например, доказательства появления «первого европейца», или происхождения Христа от представителя титульной нации. Выводятся из темноты прошлого «свои люди», так сказать, «великие прародители», или чуть ли не все человеческое сообщество прослеживается от таинственных народов, например, крайнего севера, где когда-то было тепло и гуляли слоны, позже с похолоданием отравившие шерсть. Спорить не имеет смысла с такими предположениями, тем более что у каждой нации, у каждого народа в прошлом действительно находятся легендарные, выдающиеся прародители, деятели и полководцы-мужчины, самые мудрые, самые сильные и, конечно, никем не побежденные, в свое время...

Традиции и обряды Беларуси имеют много общего с таковыми у своих славянских соседней. Беларусь относится к восточноевропейскому типу средневропейской расы, их предками были восточнославянские племена дреговичей, кривичей, радимичей, отчасти древляне, северяне и волыняне. Предки беларусов вобрали в себя множество черт древнейшего населения этого края – летто-литовских племен ятвягов, а также некоторые черты польской, литовской, украинской, русской и еврейской культуры, сохранив при этом, несмотря на многочисленные опустошительные войны, не раз прокатывавшиеся по этой земле, свои главные национальные черты. ([http p://www.usebelarusy.by/ru/content/vytoki/24443/24657/25708](http://www.usebelarusy.by/ru/content/vytoki/24443/24657/25708))

Женщины, жены и дочери наших предков, оставили свои черты и наследственные особенности в поколениях многих наций и народов. Особенно если учесть, что, по последним

данным, генетические маркеры передаются по женской линии не то 30, не то 50 поколений без существенных изменений.

Женщины твердо стоят на земле, на нашей земле. Что бы было с нашей нацией, если бы не они. Наша земля, земля наших предков, женщины на этой земле, это единственное, что не смогли отнять у народа за два последних столетия. Ну, отторгли целые области, – Вильно или Смоленск, – это можно пережить, – литовцы – почти что наши люди. А вот переживем ли мы то, что у нас отняли за последние два века – историю, религию и язык? Да, белорусский язык дотлевет на этом кострище истории.

О белорусах, или точнее о литвинах, в последнее время печатается столько материалов, часто противоречивых, что я не буду подробно касаться этой темы, но, чтобы обрисовать хотя бы границы влияния или «сферы интересов» нашего народа, вернусь к старым источникам, вполне отвечающим моим представлениям, в частности, к добротной Энциклопедии Брокгауза и Ефрона. Тем более, что очерченные в том очерке границы распространения нации практически соответствуют сегодняшней республике Беларусь, за исключением Гродненской области с Брестом. По понятным причинам – Гродненская область и Брест, да и вся Западная Беларусь были, в основном, католическими, а значит, с точки зрения русских историков и культурологов, «польскими». И что им до того, что, например, великий польский поэт, Адам Мицкевич, считал себя «литвином» и родился недалеко от Минска, в селе Завоссе, Брестской области...

Итак, из «Энциклопедии»:

«Область, занимаемая белорусами (сохраняю орфографию Энциклопедии), доходит на юге до самой Припяти; на западе черты белорусской речи заметны очень далеко – почти до самого Западного Буга, верховьев Нарева и Бобра, правых его притоков, далее по Неману и его притокам, почти до впадения Вилии; на севере эта область переходит Западную Двину, простираясь до реки Ловати; на востоке до верховьев Волги и начала левых притоков верхнего Днепра»...

«Белорусы считаются потомками древних вендов, живших первоначально в странах придунайских, которые в первом веке после Р. Х. занимали уже земли, орошаемые Западной Двиной, Вислой и Волховом. Обширность этого пространства и малонаселенность были, конечно, главными причинами переселения сюда, в конце V века, других родственных им племен.

По сказаниям летописцев, некоторые роды полочан, под именем кривичей, выселились на верховья рек Двины, Днепра и Волги, заняв впоследствии обширную страну, которая заключала в себе нынешние губернии Витебскую, Псковскую, Смоленскую и части губерний Минской, Виленской и Могилевской. Что обитающие ныне в этих губерниях белорусы произошли от одного и того же племени кривичей, доказывается как сходством их наружности, домашнего быта, обычаев, верований, так и в особенности сходством языка, как древнего письменного, так и живого, лучшим образцом которого служат песни, сказки, поговорки, пословицы и загадки.

В начале XIV столетия (1318—1320 гг.) Гедимин присоединяет к Литве всю древнюю область кривичей. С этих пор история белорусского племени связана с историей Литвы и Польши» [1].

В «Деяниях датчан» Саксона Грамматика (рубеж XII – XIII вв.) повествуется о взятии Полоцка в V веке, конунгом Фродо I, сыном Хадингга, который прибегнув к военной хитрости убивает полоцкого царя Веспасия, ибо «силой города не победить (*viribus inuictam sc. urbem*)».

Так что, возможно, история кривичей-полочан насчитывает по меньшей мере пятнадцать столетий.

Я не хочу утверждать, что мы, беларусы, например, потомки «вендов» (одна из версий происхождения литвин-беларусов), этим сейчас, при желании, могут заняться специалисты по ДНК-генеалогии.

Некоторыми исследователями приводится мнение о том, что «беларуский этнос является генетически (кстати говоря, и антропологически) неизменным на протяжении минимум трех тысяч лет» (Юлия Чернявская, «Белорусы от тутэйших – к нации», Минск, ФУАинформ, 2010). Можно вполне обоснованно говорить о двух тысячелетиях оседлого проживания нашего народа на этих землях.

Мне же как-то безразлично, какого рода мои предки. Главное, что есть я сегодняшний, кем я себя чувствую. Или еще точнее – кем я себя НЕ ощущаю. Так вот, я себя воспринимаю, чувствую и ощущаю прежде всего «литвином», может быть, уже и «беларусом», хотя и не отдаю себе отчет – почему. И уж никак не мыслю себя, например, русским, или поляком, или литовцем. Мы не лучше и не хуже их всех, мы – другие. И когда я слышу такие названия, как Несвиж, Копыль, Слуцк, Олышаны и многие другие, знакомые с детства названия городов, городков или сел, я знаю, что это моя земля.

С этих позиций я и буду вести дальнейшие рассуждения. А хочу я рассказать о главном, в моем представлении, в первую очередь, о наших женщинах, женах, дочерях земли Беларусь. О них надо говорить отдельно, особенно о тех из них, кто оставил свой вечный след в истории, в культуре нашего «роднага кута», как бы его не называли за последние тысячу лет: Альба Рутения, Белая Русь, Черная Русь, Великое Княжество Литовское, «Крэсы» или Республика Беларусь.

Наши мужчины, что было нормой жизни в те далекие времена, в основном, воевали, оборонялись от чужеземцев, а женщины хранили родной очаг, создавали семьи, растили сыновей и дочерей. Женщин выдавали замуж, часто в другие края, они иногда возвращались, а иногда оставались навечно на чужбине. Эти женщины, жены, из поколения в поколение продолжали наш древний род на родной земле, или дарили свое потомство, своих сыновей и дочерей чужим народам, не всегда дружелюбным нашему, часто присваивавшим, кроме наших женщин, еще и исторические достижения народа. Одни из этих великих дочерей народа стали гордостью, и не только нашей нации, о которой культурологи все рассуждают – состоялась ли она. О других забыли и незаслуженно. Эти женщины обогатили нашу историю, нашу культуру и культуру многих, сопредельных с Беларусью, государств. Женщины земли Беларусь часто становились действующими лицами на арене истории Киевской Руси, Польского королевства, заняли достойное место при становлении Московского, а позже и Российского царства. Имена многих из них не сохранились для нас, поэтому так важно сберечь те немногие, дошедшие до наших дней, сведения об этих замечательных женщинах.

До сих пор спорят исследователи древних хроник, кто ушел с Палеоном от жестокосердного Нерона из разворошенной Римской империи в первом веке после рождения Христа. Скорее всего, вообще, не было того

бегства пятисот семейств из пылающего огнем Рима, но осталась легенда, сотворенная когда-то в районе белорусского Новогрудка, и попавшая в древние летописи – «Хроника Быховца» и в другие «хроники», как появились наши предки на этой земле.

Только к концу первого тысячелетия проясняется историческая картина, появляются достоверные свидетельства, упоминания в документах, грамотах, договорах или «хрониках», о тех, кто населял наши земли.

По-видимому, одно из первых женских имен, которое возникает из тумана древней летописной истории Беларуси, истории кривичей, это полоцкая княжна Рогнеда (965 – 1000). Но зато – какое имя, – сколько трагедии и достоинства, непреклонности и любви, мудрости и терпения заключено в ее короткой жизни, в немногословных строках ее жизнеописания.

В то время Полоцким княжеством правил независимый ни от Киева, ни от Новгорода князь Рогволод. По одной из версий – сын полоцкой княгини, упомянутой в договоре, которую в 945 году подписали Византия и киевский князь Игорь. Эта версия имеет еще и логическое обоснование, так как князь Игорь был наполовину кривичем, его мать, княгиня Ольга, родом из села Выбуты около Изборска, древнейшего города кривичей.

Противостояние Полоцка Киеву и Новгороду изложено летописцем в «поздней королевской саге «Пряди об Эймунде» конца XIII века. [2]. Дочери Рогволода, Рогнеде, еще не исполнилось 13 лет, но она уже была сосватана за киевского князя Ярополка, которому предстояла жестокая борьба со своим сводным братом Владимиром, сыном ключницы, «рабыни» Малуши. Оскорбление, нанесенное Владимиру отказом Рогнеды при сватовстве, завершилась трагически для всей семьи Рогволодовичей, для города

Полоцка и всего Полоцкого княжества. А ответ Владимиру юной полочанки Рогнеды:

– «Не хочу разуци рабынича...», – стал литературной легендой. Далее ее жизнь вполне соответствует античным трагедиям Софокла и Эврипида.

Памятник Рогнеде
(и ее сыну Изяславу) г. Заславль, Беларусь

В 980 году Владимир с наемным войском захватил Полоцк. Взял в плен всю семью Рогволодовичей, изнасиловал Рогнеду в присутствии родителей, видимо, так было принято у Рюриковичей, после чего убил её отца, мать и двух братьев. Впрочем, удивляться поступку Владимира, «рабынича», сына рабыни, не приходится. Вряд ли служанка могла привить ему этические и моральные нормы. Рогнеду он, наконец, хоть и насильно, но взял в жёны, цели своей он достиг. Полоцк был сожжен, Полоцкое княжество растоптано, казалось, что история кривичей, полочан была закончена. Однако, жизнь продолжилась и столкновение Рогнеды с любвеобильным мужем Владимиром (хроники указывают еще на четырех его жен) имело дальнейшее продолжение, а семья Рогволодовичей, с примесью «чужих кровей», правила Полоцком еще триста лет.

В различных «хрониках» сообщается о покушении Рогнеды на своего мужа и ссылке ее с сыновьями в Изяславль около 987 года (современный Заславль – город в Минской области),

позже ставшим частью полоцкого княжества. Свободолюбивый образ Рогнеды особо вдохновлял многих исследователей и

творческих людей, ей приписываются и, видимо, не даром, такие слова – «Мы и в постели независимы» (пер. с польск.) [3].

Драматические события жизни Рогнеды не раз воспевались поэтами, вдохновляли художников. Поэт-декабрист Рылеев посвятил ей поэму «Рогнеда», русский композитор Серов – оперу, а грузин, Андрей Мдивани, балет «Страсти – Рогнеда».

Рогнеда и Владимир
картина А. Лосенко, Русский музей

Есть версия о возвращении Рогнеды к жестокому мужу, о нравственном перевороте Великого князя Владимира после неудавшегося покушения Рогнеды на него, о малолетнем отроке Изяславе, защитившем мать от меча разгневанного отца, о прощении Рогнеды князем. Но, так или иначе, у нее родилось еще три сына и три дочери, в том числе и самый значительный для истории, для Киевской Руси – Ярослав Мудрый (980—1054).

Рогнеда не только сама вырастила своего первого сына Изяслава, позже прозванного летописцем – «книжником», но была и в роли регентши при малолетнем князе, руководила восстановлением Полоцка, разрушенного Владимиром. Она стояла в начале нового подъема и возрождения Полоцкого княжества. В это время город был перенесен на более высокое и неприступное место, на левый берег Двины, в устье реки Полота.

Рогнеда воспитала и обучила книжной грамоте и еще одного сына, будущего Великого князя Киевской Руси, Ярослава Мудрого. Как и любая другая женщина пестует свое дитя, именно она вложила в него свою любовь к знанию, к свободе, понятие о равноправии женщин.

«Отрицательно относившийся к многоженству, Ярослав Мудрый никогда не забывал печальной участи, постигшей в свое время его мать Рогнеду Рогволодовну. Составитель «Русской Правды», он юридически закрепил право славянских женщин на проявление собственной воли при выборе супруга.

В статьях «Устава» князя Ярослава Владимировича предполагалось наказание родителей, не считавшихся со свободной волей невесты в делах замужества не только в тех драматических ситуациях, когда девушки совершали самоубийство из-за брака поневоле, но и в тех случаях, «аще девка восхощет замуж, а отец и матери не дадут. Такого гуманного отношения к женщине, как в „Руском праве“, не знало в XI веке законодательство ни одной европейской страны». Цитирую эту выдержку из сборника М. Ганичевой – «Самые знаменитые красавицы России», с небольшим уточнением относительно того, что тогда не было ни России, ни Московского княжества, а Москва появится только через два столетия и в ней станет царить «Домострой», доживший на Руси в сфере семейных отношений почти до XX-го столетия.

Толерантность, терпимость к представителям других наций и конфессий, безусловно, отличали атмосферу, в которой росли дети в семьях Рогволодовичей.

Язычество тогда еще легко уживалось с наступающим христианством, многоязычие было естественным явлением во всех городах Полоцкого княжества. Но уже латынь входила в норму для образованных людей, вступающих в контакты с романизированной Европой. Древний славянский язык, язык Кирилла и Мефодия, претерпевал неизбежную трансформацию, позволившую ему позже стать государственным языком Великого Княжества Литовского, языком всех государственных документов, наравне с латынью. Все главные документы княжества будут написаны на старославянском (старобеларуском) языке, а «Статуты» разных лет (1529 год, 1566 год, и 1588 года), не без основания названы первыми европейскими «конституциями».

«Правом судите, сыны человеческие» – было записано на титульном листе, в строке посвящения Статуту 1588 года (Статуты ВКЛ, Википедия).

Но вернемся ко времени Рогнеды и к истории разрастающейся семьи Рогволодовичей. Хочется думать, что начиналась жизнь маленьких сыновей Рогнеды с материнской древней «калыханки» («колыбельная», бел. яз.), но книжное знание и уроки чтения были обязательными в их домашнем образовании.

Основы этого воспитания дали её сыновьям возможность твердо и последовательно править вотчинами, проводить вдумчивую политику, учили жить в мире со своей родней, братьями, ладить с соседями.

Ее внук, Брячислав Изяславович, после стычки со своим дядей на реке Судоме, уже не воевал с ним и, по крайней мере, до смерти Ярослава Мудрого, они вместе отстаивали границы своих княжеств, свято выполняли «договор на Судоме» (1021 год), и как «братаничи», правили поочередно и Киевским княжеством, хотя один «сидел» в Полоцке, а другой в Новгороде.

В годы их совместного правления усиленно росли и развивались Киевское, Полоцкое и Новгородское княжества, появились новые города, упомянутые в «Повести временных лет» (ПВЛ), в «Слове о полку Игореве» и «Скандинавских сагах». В Полоцком княжестве – это Браслав и Витебск, Минск, Орша и Копысь и еще десяток других городов, благополучно доживших до наших дней и развивающихся на территории современной Беларуси. Росли новые города, появлялась самобытная городская культура. Полоцкие Рогволодовичи «расширили пределы княжества по всему Подвинью, вышли к морю, от верхнего Понемоння до Костромского Поволжья, от Псковского озера до верхнего Сожа и Десны» [4]. При них расцвела торговля, ремесла, зародились искусства, они внедряли грамотность и «книжность» в обиход государства. Во многих городах, вошедших позже в состав Великого княжества Литовского (ВКЛ), с XIII века начали развиваться основы самоуправления, усилился приток в эти города иноземцев, появлялись, так называемые, «фактории», как ганзейская, в Полоцке и Бресте. Городская элита Литвы-Беларуси осваивала культурные достижения Европы. Культурные традиции Европы проникали и в семейные отношения.

Несомненно, эти процессы затронули княжеские семьи, семью Рогволодовичей. И хотя жизнь Рогнеды изобиловала с самой юности трагическими событиями, ее потомство было более счастливо, чем сама княжна, а ее сыновья и дочери, внуки и внучки вышли на широкую историческую арену Европы, вошли в правящие семьи разных стран.

Сын Рогнеды и киевского князя Владимира князь Ярослав, прозванный Ярославом Мудрым (980—1054), взял в жены дочь шведского конунга Олафа Шетконунга Ирину – Ингерд и более тридцати лет княжил в Киеве. Дочь Прямислава (рожд. около 987 – дата смерти неизвестна), была выдана замуж за герцога Ласло Сара, брата венгерского короля Стефана I. Ее внук от этого брака стал позднее королем Венгрии Андреем I. Второй сын, Всеволод, попал в Швецию и там погиб. Еще одна дочь Рогнеды, Предслава, по одной из версий, стала наложницей польского короля Болеслава I Храброго после его похода на Киев и пленения Святополка со всей семьей («Сага об Олафе Святом», Википедия).

Думаю, не случайно Рогнедины внучки становились женами европейских монархов: Анастасия вышла замуж за «угорского» короля Андрия I, Елизавета – за короля норвежского Гарольда III (после его смерти – за короля датского Свена II). Они были высоко образованы для своего времени, в семье прививались моральные и этические ценности, эти женщины выгодно отличались от многих других женщин своего времени.

Еще одна дочь из этого выдающегося семейства прославила Рогволодовичей – Анна Ярославна (около 1024 – 1075). Внучка Рогнеды и дочь Ярослава Мудрого, она стала в 1051 году женой французского короля Генриха I из семейства Капетингов, а после его смерти и королевой-регентшей при малолетнем сыне, короле Филиппе I.

Портрет Анны Ярославны с росписей аббатства Сен-Венсан, Санлис Франция

Портрет Анны Ярославны с росписей аббатства Сен-Венсан (Санлис, Франция).

В Санлисе (Франция) сохранилась часовня, построенная в XI веке, а позже у входа в часовню поставлено скульптурное изображение Анны, на котором написано «Анна – королева Франции, основательница собора в 1060 году». (Из очерка М. Пешковой АННА ЯРОСЛАВНА В ПАМЯТИ ФРАНЦИИ <http://www.liveinternet.ru/users/5132602/post306683111>).

Судя по летописным свидетельствам, Рогнеда, отказавшись от второго замужества, приняла в конце жизни постриг и стала первой монахиней в пределах восточнославянских земель.

Полоцкое княжество, возрожденное первым сыном Рогнеды Изяславом, еще более поднялось при Брячиславе, ее внуке, и достигло своего могущества во времена сына Брячислава, легендарного князя Всеслава Чародея (1029—1101), которому посвящены поэтические восторги в «Слове о полку Игоревом».

Брячислав чтит память своих предков, и к 1007 году, он построил храм в Полоцке, куда перенес мощи отца – «книжника Изяслава» и бабушки Рогнеды. В это время усиления и подъема княжества появляется на свет еще одна выдающаяся женщина в нашей истории, княжна Предслава.

Внучка Всеслава Чародея с отцовской стороны и Владимира Мономаха с материнской, дочь князя Святослава, в миру – Предслава (1100—1167), продолжила просветительскую линию своих предков – Рогнеды Рогволодовны и Изяслава-книжника. К тому же, христианский, загадочный мир привлекал ее пытливый ум таинствами и красочными обрядами. В воз-

расте 12 лет тайно от родителей она ушла в монастырь, настоятельницей которого была ее тетка, вдова ее дяди Романа Всеславича. Здесь она приняла постриг под именем Ефросиньи, и в хрониках появляется воспетый летописцами ее новый образ – «яко луна солнечна». От раннефеодальной Полоцкой державы, прародины белорусов, нас отделяют девять столетий. Именно из XII века, пронизывает исторические пласты свет имени, без которого невозможно представить культурный и духовный расцвет восточных славян. Это – Евфросинья Полоцкая (светское имя Предслава, 1102 (?) – 23.V.1173), одна из самых просвещенных женщин своего времени.

Печать Ефросиньи Полоцкой (XII век)

Монашеский подвиг старшей сестры был заразителен, в этом же монастыре в 1128 году получила постриг младшая сестра Ефросиньи, Гредслава (в крещении – Евдокия), а за ней в монахини пошла и двоюродная сестра Великой просветительницы, Звенислава (Евпраксия). Они стали устроителями нового христианского средоточия в Полоцком княжестве. Стараниями Ефросиньи была возведена церковь святой Богородицы, для украшения которой она отправила в Константинополь посольство «за реликвиями».

Почитание книги, книжной мудрости стало семейной традицией Рогволодовичей, «фирменным знаком» на всем продолжении рода, и через два поколения дало начало

появлению культурной среды, образовательного сосредоточения и накопления знаний в стольном граде княжества – Полоцке. Здесь правнучкой Рогнеды, в миру

Предславой, а в крещении Ефросиньей, были созданы при Софийском соборе новые «скриптории», собиралась библиотека.

«Здесь расцвел талант этой замечательной женщины, просветительницы и покровительницы белоруской земли, Святой преподобной Ефросиньи Полоцкой. Хронисты не даром называют ее «родоначальницей восточнославянской книжности, одной из первых женщин-политиков, искусным дипломатом и миротворцем. В фольклорном своде миропонимания утверждалось право женщин на свободу, внутреннюю жизнь

и сильные чувства. Этот особый белорусский народно-песенный феминизм – явление удивительное» [5].

Трудолюбие и настойчивость позволили Ефросиньи получить около Полоцка земли для строительства и основания женского монастыря святого Спаса (1124 год), сначала простого деревянного строения. Однако к 1132 году на его месте уже стоял каменный храм, сейчас он известен, как Спасо-Ефросиньевский монастырь. Для нужд монастыря Ефросиньей был отправлен в Константинополь гонец с просьбой к византийскому императору Мануилу Комнину, и патриарх передал для Ефросиньи в Полоцк несколько «святынь», в частности, кусочки Креста Христова с каплями его крови. Ефросинья правила Полоцким княжеством при малолетнем сыне, создала, так называемый, «Полоцкий матриархат», собирательница Полоцкой библиотеки, монастырских сокровищ, и основательница «школ-скрипториев» и многих других библиотек в Полоцке.

Полоцкий мастер Богша создал драгоценный напрестольный крест, в который эти реликвии были вставлены. Этот крест стал в дальнейшем символом духовных исканий полочан, его судьба не менее трагична, чем судьба Полоцкого храма Св. Софии.

Копия креста Ефросиньи Полоцкой

(Крест воссоздан Н. П. Кузьмичом в 1992—1997 гг. Кипарис, золото, серебро. Спасо-Преображенская церковь, г. Полоцк).

Уже в преклонном возрасте, около 1163 года, Ефросинья Полоцкая предприняла «пешее» паломничество в Константинополь, со своим братом Давидом Святославичем, и оттуда в Иерусалим, в дороге встретившись со своим родственником, византийским императором Михаилом Комниным. Давид Святославич известен тем, что был первым князем,

совершившим паломничество в Иерусалим. На пути в Палестину они встретились с императором Мануилом, «шедшим против венгров», а в Царьграде были радушно приняты патриархом Царьградским Лукой Хрисавергием. На пути в Святую Землю преподобную Ефросинью сопровождала также ее двоюродная сестра Звенислава, дочь полоцкого князя Бориса Всеславича. На Святой Земле, в монастыре Пресвятой Богородицы, она закончила свой земной путь и «обрела вечный покой 23 мая 1173 года» [7].

«Мудрость народа, мятущегося и ищущего свой путь в истории, выбрала крест Евфросиньи, отдав именно ей нелегкую миссию быть заступницей земли нашей перед Господним престолом» [6]. История креста святой Ефросиньи имела свое длительное продолжение, а сам крест в советское время пропал в партийных кабинетах, госхранах НКВД и судьба его не известна.

Полоцкая княжна Предслава стала первой женщиной восточных славян, которая была канонизирована церковью, как «святая Ефросинья».

Некоторыми исследователями считается, что Ефросинья Полоцкая была одной из составительниц Полоцкой летописи (XII век), которая, как и многие другие белорусские хроники и источники, после раздела Польши и присоединения белорусских земель, земель Великого Княжества Литовского, к России (последний раздел – 1795 год), таинственным образом исчезла в Российской империи. История Ефросиньи Полоцкой продолжилась и после её упокоения в Иерусалиме. В 1187 году Иерусалим был захвачен войсками Салах-ад-Дина, и мощи святой были перенесены в Киев, где более семи столетий покоились в Дальних пещерах Киево-Печерской Лавры, в нише храма Благовещения Пресвятой Богородицы.

Почти семь столетий полочане ожидали возвращения мощей преподобной Ефросиньи в родную землю. Еще семьдесят лет (с 1832 года) верующий люд земли Беларусь, во главе со своими иерархами пытался обрести свои святыни. Многократные обращения к Св. Синоду Русской православной церкви (1832, 1840, 1844, 1858 г.г.) на необходимость перенесения святыни в Полоцк отклонялись без объяснения мотивов. В 1864 году к Синоду обратились верующие 13 волостей Полоцкого уезда.

Это усердное прошение, с которым уже в седьмой раз обращалась Полоцко-Витебская епархия, было удовлетворено Св. Синодом 8 июня 1909 г.

Однако этими мытарствами не закончилась судьба Святой Ефросиньи в Российской империи. «20 апреля 1910 г. мощи преподобной были помещены в новую кипарисовую раку и изнесены из пещер Киево-Печерской Лавры в Великую церковь, а 22 апреля, по окончании Божественной Литургии, крестным ходом были перенесены на пароход „Головачев“ и... проследовали по Днепру до Орши (695 верст). От Орши до Полоцка (более 170 верст) верующие благоговейно несли святыню на руках. 20 мая крестный ход с мощами прп. Евфросинии прибыл в Полоцк, 22 мая святые мощи были торжественно принесены в Спасо-Евфросиниевскую обитель и 23 мая помещены в Спасской церкви в специально сооруженной для них серебряной раке. Драгоценная рака для мощей преподобной была изготовлена на добровольные пожертвования верующих и являлась даром благочестивого православного населения. В Полоцких Торжествах 1910 года вполне излилась великая народная любовь к угоднице Божией преподобной Евфросинии» (http://spas-monastery.by/st_euphrosyne_of_polotsk/worship.php.)

Драгоценная рака мощей прп Святой Ефросиньи Полоцкой

Драгоценную серебряную раку советские власти реквизировали в 1921 году вместе с другими монастырскими ценностями. Впоследствии рака была «утрачена». (Фотография из архива цветных изображений С. М. Прокудина-Горского, 1912 год, хранится в Библиотеке Конгресса США).

В 1920 году мощи прп. Евфросинии подверглись вскрытию в Ростовском Авраамиевом монастыре. Спустя год их кощунственное вскрытие совершилось в Полоцке, а затем в Витебском губернском историко-археологическом музее. С 1940 по 1941 год Святыня находилась в антирелигиозном музее Витебска.

И только во время немецкой оккупации в 1941 году верующие смогли перенести нетленные останки преподобной в Витебскую Свято-Покровскую церковь, а 23 октября 1943 года мощи возвратились в Полоцкий Спасо-Евфросиниевский собор. Один из участников этого события вспоминает: «Поздним вечером из Витебска в Полоцк пришел вагон с мощами святой Евфросинии. Несмотря на комендантский час, когда жителям запрещалось выходить на улицу, комендант разрешил двум священникам и четырем мирянам проводить мощи с железнодорожной станции в собор Святой Софии. Уже была ночь, когда мы с трудом возложили стародавний дубовый гроб – колоду на устланную коврами повозку. Впереди и позади нас шло по двое немецких солдат, которые то ли следили за нами, чтобы мы не совершили какой-либо диверсии, то ли охраняли нас от встречающих немцев. Мы шли за повозкой и пели стихиру: «Веселися, монастырь Спасов, и светло ликуй земля Полоцкая».

На следующий день состоялось перенесение мощей из Софийского собора в церковь Спаса... Фронт находился в 36 километрах от Полоцка... Поэтому вначале комендант позволил, чтобы процессия состояла из двух десятков человек... позже согласился на большее. Вместо многочисленных священников шли в своих пасхальных ризах только отцы Антоний и Модест. Небольшой девичий хор Софийского собора пел: «Днесь светло красуется данный град Полоцк».

Верующих, даже в полуразрушенном войной Полоцке, собралось больше, чем ожидалось, среди них шли я и моя мать, время от времени шептавшая: Позволил Господь и мне, грешной, сопутствовать тебе, славная мать наша Евфросиния...

Когда мы подошли к монастырю, то увидели, что по старинному беларускому обычаю дорожку к церкви Спаса выстлали льняной тканью, а навстречу нам шли монахини Евпраксия и Леонила. Их поддерживали под руки, а они со слезами голосили: – «Домой возвращаешься

наша мать игуменья. Благодарствуем Тебе, Господи Иисусе Христе, что позволил нам дожить до этой радости».

25 октября 1943 года впервые после 25-летнего перерыва у мощей преподобной Евфросиньи, в основанном ею монастыре, была отслужена Божественная Литургия. Но еще не скоро был возобновлен монастырь. Лишь в 1992 году выселили последних жителей из братских корпусов, началась реставрация соборов монастыря, посажен был фруктовый сад над огромной братской могилой, в которой лежат тела расстрелянных, им же несть числа...

Полоцкая обитель преподобной Евфросинии восстанавливается на земле, политой кровью новомучеников... (http://spasmonastery.by/st_euphrosyne_of_polotsk/worship.php «Почитание преподобной Евфросинии Полоцкой»).

В 1125 году умер Великий князь Владимир Мономах, и началась феодальная усобица полоцких князей с киевскими, длившаяся до 1129 года. Она закончилась тем, что «отец «Мстиславен» расправился с полоцкими князьями, лишив их престолов, имущества, пленив и «поточи» (сослав) их «в Греки», в Царьград. Полоцкое княжество оказалось без верховного правителя. На политическую арену вступили княгини, взявшие на довольно продолжительный срок верховное правление в свои руки.

Период 30-50-х годов XII века в истории Полоцкого княжества академик В. Л. Янин назвал «полоцким матриархатом». В числе княгинь-правительниц были представительницы семьи князя Святослава Всеславича» [8].

В различных летописных документах можно обнаружить и других легендарных, необычайных женщин из разных земель нынешней Беларуси, таких, например, как Софья Володаровна (Владимировна), княжна минская и королева Датская (1140—1198), вступившая в брак с датским королем Вольдемаром I.

София не только участвовала в придворной жизни Датского королевства, она оставила богатое наследство в виде двух сыновей и шести дочерей. Ее прах покоится в королевской усыпальнице города Рингстад рядом с прахом короля Вольдемара I Великого. Здесь сошлись две линии полоцких князей, так как король Вольдемар I был сыном княжны Ирины Мстиславовны и Кнуда Лаварда, сына короля Дании Эрика I.

Еще одно имя женщины из семьи полоцких князей XII века привлекает внимание исследователей – Мария Васильковна (1120 – 1194), дочь полоцкого князя Василька Святославича, правнучка князя Всеслава «Чародея».

В 1143 году отец, князь Василько, выдал ее замуж за Великого князя киевского Святослава Всеволодовича. Княжна Мария активно вмешивалась в труды мужа, когда он «по совету с ней и с милостником своим Кочкарем» задумывает предпринять поход против князей Давида и Рюрика Ростиславичей [9].

Нас же более всего могут заинтересовать не сухие сведения «Энциклопедии» о княжне, а интригующая версия, которая в последнее время разрабатывается разными исследователями, считающими княжну Марию возможным автором «Слова о полку Игореве» или, по крайней мере, причастной к появлению этого шедевра древней Руси, Киевской Руси.

Исследователем Георгием Сумаруковым были обнаружены в рукописи «Слова» акростих «Мария», который повторяется в поэме 4 раза, и, кроме того, две другие тайнописные фразы: «Сие писа Мария» и «Сие писа сестра Брячислава ни другаго Всеволода» [10].

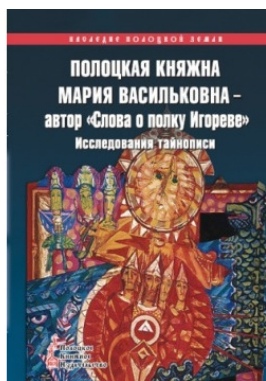
...Типично древнерусское явление – тайнописные записи о своем авторстве русских писателей.

...Как это ни странно, но одно из самых достоверных свидетельств о принадлежности сочинения тому или иному автору извлекается

из тайнописных записей. Мне не известно ни одного случая, когда бы указания тайнописи оказались неправильными.

Д. С. Лихачев

Посвятила этой версии свои труды доктор искусствоведения Н. С. Серегина (Санкт-Петербург). Основываясь на текстологии древнерусской гимнографии XII века, она реконструировала первоначальный текст «Слова о полку Игореве», чтобы проверить предположения Г. В. Сумарукова на материале, максимально приближенном к утраченному оригиналу, и нашла следы «женского почерка» в произведении. Кроме того, Н. Серегина показала, что урожденная княжна полоцкая Мария Васильковна, супруга Великого князя Киевского, обладала необходимыми качествами, чтобы создать «Слово». В статье «Мария Васильковна, сестра Изяслава, и «Слово о полку Игореве»» доктор искусствоведения Н. С. Серегина приводит ряд новых аргументов, подтверждающих авторство Марии Васильковны» (А. И. Судник, 2008. Наследие Полоцкой земли; вып. 6). (<http://strannik.tv/nasledie6.htm>).

А. И. Судник, 2008. (Наследие Полоцкой земли; вып. 6).

Еще один исследователь, Л. Е. Махновец, отмечает – «полоцкая тема занимает в „Слове“ непропорционально большое место потому, что это тема Марии Васильковны» [11]. Л. Ф. Данько было выдвинуто еще одно предположение в подтверждение авторства Марии через сопоставление традиционного христианского значения имени Мария (госпожа) со значением слова кир (греч. господин)...

Несомненно одно – уже в начале летописной истории женщины края, его правящих элит, отличались образованностью, знали и понимали «книжную мудрость», умели ценить ум и знание. Эти женщины способствовали контактам с европейским миром, смягчали напряженные, династические, внутрисемейные отношения, особенно в период проникновения «идей» русского самодержавия и борьбы за независимость Великого Княжества Литовского, в составе которого история полоцких земель и всего края, совпадающего с территории современной Беларуси, получила новое продолжение.

Полоцкая земля, кривичи, княжеские рода Полоцких правителей, Витебский княжеский род, ветвь Полоцких князей, дали по женской линии начало еще одной родословной, на этот раз русской – Владимирским князьям. В 1239 году полоцкий князь Брячислав отдал в жены свою дочь Василису будущему великому князю Владимирскому – Александру Невскому.

Можно сколь угодно публиковать материалы, например, в Википедии, о «Витебских русских княжеских родах», но сколько раз ни говори «халва», от этого во рту слаще не становится. Витебские земли вошли в состав Российской империи только в результате раздела и оккупации земель «Жечи Посполитой» (1772 год). Со времени упоминания Витебска в «Повести временных лет», эти древние земли кривичей, прародителей современных белорусов, входили с 1021 года во владения полоцкого князя Брячислава Изяславича. После смерти полоцкого

князя Всеслава Брячиславича в 1101 году Витебск стал центром Витебского княжества (удел Полоцкого княжества). В середине XII века Витебском правили полоцкие князья Васильковичи, а в 1160—70 гг. – смоленский князь Давид Ростиславович. С 1180 года Витебским князем был Брячислав Василькович, на дочери которого был женат князь Александр Невский. На Замковой горе находилась резиденция князя, а в посадах жили торговцы и ремесленники. Последним удельным князем был Ярослав Васильевич, который в 1318 году выдал свою дочь за Ольгерда, сына великого князя литовского Гедимина. С этого времени Витебск входит в состав Великого Княжества Литовского, а затем, до 1772 г. в федеративное государство Реч Посполиту (*Rzecz Pospolita*).

В Великом Княжестве Литовском XIII – XVIII века

К XIII-му столетию правящие семьи полоцких (кривичских) князей соединились многосложными связями с «литвинами», то есть одной из ветвей балто-славян центральных областей края и стали основой образования нового государства – Великого Княжества Литовского (ВКЛ).

Еще в XI веке Ярополк Изяславич (1043 – 1086), внук Ярослава Мудрого, выдал свою дочь Анастасью (1090) за сына Всеслава Чародея, Глеба Минского. Для справки отмечу, что в Минской области, в деревне Цитва, в 50-е годы, уже после второй мировой войны, мои бабушки и дедушки, сопротивляясь поголовной русификации республики, упорно продолжали называть себя «литвинами».

Летописная история приписывает начало образования нового государства «литвин» легендарному Миндовгу (1200—1263) сделавшего своей первой столицей Новогрудок (современная Гродненская область Беларуси). Великое княжество включало в это время такие города, как Гродно, Полоцк, Витебск, Друцк, то есть все земли нынешней Беларуси. Земли сегодняшней Литовской республики, кроме Вильно, не входили в состав ВКЛ в это время. Владельцем Полоцка был двоюродный брат Миндовга – Товтивил (год рожд. неизвестен – 1264), в православном крещении Теофил, князем Друцка был другой двоюродный брат Миндовга – Эдивид. До третьего княжения, Шварны Даниловича (1230 – 1269), Новогрудок оставался их главной резиденцией.

И все-таки более или менее достоверная история княжества начинается с Великого князя Гедимины, вероятно, потомка полоцких князей.

После смерти Гедимины (1345) в Великом Княжестве Литовском (ВКЛ) устанавливается совместное правление двух его сыновей – Ольгерда и Кейстута. Во владении Кейстута находилась Жемайтия (современная Литовская республика), в основном с сельским населением, и Литва, включившая Городенское, Изяславское, Друцкое, Логойское, Стрежевское, Лукомское, Брячиславское вотчины. Кроме того, в его владения входила и понеманская Черная Русь (современное беларуское Полесье), которая охватывала верхнее течение Немана с городами и селеньями: Городень (Гродно), Новогородком, Слонимом, Волковыйском, Несвижем, Здитовом. В составе его владений были еще Пинское и, вероятно, Туровское княжества. По разным источникам, это были также места оседлого проживания легендарных ятвягов. Под Ольгердом оставались остальные земли древней Руси (современной Беларуси и сев. зап. Украины). При Ольгерде Гедиминовиче (1345—1377) произошло присоединение к Великому княжеству Чернигово-Сиверщины и Приднепровья (Википедия).

Сын полоцкой княжны Ольги и Великого князя литовского Гедимины, кривский (полоцкий) и витебский князь Ольгерд (1296—1377), был Великим князем литовским с 1345-го по 1377 год и значительно увеличил территорию Княжества. В жены Великий князь взял близкую по крови, то есть и по культуре или, как сегодня любят выражаться, по менталитету, княжну Марию Ярославну (1318 год), дочь Витебского князя Ярослава Васильевича. После смерти Гедимины (1345 год) Ольгерд перебрался из Витебска в Вильно.

Мария Ярославна, как великая княгиня, играла значительную роль в политике и культуре Литвы. В политической жизни она добивалась усиления влияния ВКЛ в русских землях – Пскове, Великом Новгороде, киевской, черниговской, новгород-северской землях. Ее сыновья становились во главе присоединенных к Великому княжеству русских земель, являясь верными наместниками и проводниками политики князя Ольгерда. Истовая христианка

православного обряда, княжна Мария Ярославна скончалась в 1346 году в Вильно, погребена в Пятницкой церкви. (Кстати, позже, в 1705 году, в этой церкви Петр I крестит Ганнибала,

прадеда Пушкина). В память о почившей супруге, великий князь Ольгерд велел в том же году заложить собор Успения Пресвятой Богородицы, ставший митрополичьим кафедральным храмом новой столицы Литвы. После смерти Марии Ярославны князь Ольгерд женился вторично, на тверской княжне Ульяне, хотя в некоторых летописях, оба эти имени приводятся совместно, как «alias», что означает «псевдоним» (Летопись Панцырного и Аверки, ПСРЛ, Том 32, 1975, под разделом «год 1332»).

Православные источники о жизни княгини Ульяны отмечают, что «в ее деятельности переплетались стремления укрепить православную веру в Литве и желание объединить русские земли под властью литовского правителя. Ульяна Александровна активно побуждала супруга оказывать помощь своему брату – тверскому князю Михаилу в борьбе с великим князем московским Дмитрием Ивановичем, впоследствии прозванным Донским.

Двор великой княгини являлся средоточием православия в столице Великого княжества. Ульяна Александровна принимала деятельное участие в завершении сооружения Пречистенского собора в Вильне. После смерти мужа она ушла от мирской жизни и стала монахиней Киево-Печерской лавры, где скончалась, и была погребена в 1392 году [13]. Как бы то ни было, а сыновей и дочерей у Великого князя Ольгерда было почти два десятка, а польская королевская линия Ягеллонов, разошедшаяся по многим королевским дворам Европы, начинается с его сына Ягайла (1351—1434). Ягайла стал после смерти отца князем Витебским, потом Великим князем литовским и, наконец, в 1386 году, после брака с польской королевой Ядвигой (1373 – 1399) стал королем Польши, как Владислав II Ягелло, основателем династии Ягеллонов.

Литвины, литвинская шляхта, смешиваясь родственными связями с семьями пограничных княжеств, два столетия вершила историю Великого Княжества Литовского (ВКЛ), а после «Кревской (личной) унии» 1385 года ВКЛ и Польши, и брака Ягайла с Ядвигой, стала участвовать в делах обеих, объединившихся государств.

В 1569 году, после подписания Люблинской (сеймовой) унии, когда права литвинов, шляхты, в составе Речи Посполитой стали урезаться, шляхта и ее язык, язык государственного управления ВКЛ (старобеларуский), ее религия (православие) начинают подвергаться

вынужденной «полонизации». Борьба «за души» православных с наступающим католицизмом привела к новому, необычному для своего времени, образованию – «униатству», которое распространилось по всему княжеству и стало, так называемой, «беларуской верой». К моменту захвата территорий ВКЛ Российской империей (до «раздела» 1772 года) униатство исповедовали более трех четвертей литвин (беларусов) [13].

С Гедиминовичей наступает время интенсивного устроения нового государства – Великого Княжества Литовского (ВКЛ). Династические браки крепили основы ВКЛ, создавали пограничную, «охранную зону» княжества, королевские и княжеские дворы не только соперничали друг с другом, но и взаимодействовали с учетом родственных связей. Не стоит поэтому удивляться тому, что две деvy-красавицы из семьи князей Гольшанских (Гольшаны, Гродненская область, Беларусь), Софья и Ульяна (Василиса по прозвищу Белуха, из «Хроники Быховца»), вышли замуж за ярких представителей правящих династий ВКЛ и Польши [14]. Польша была самым влиятельным соседом ВКЛ и сближение двух государств, в том числе, экономическое и культурное, было неизбежно.

Род Гольшанских (Ольшанских) отличается особой древностью и, по легенде, ведет происхождение от Довспрунгов, пришедших в наши земли с Палемонами («Хроника Быховца»).

Софья Гольшанская (1405—1461) была дочерью князя Андрея Гольшанского и Александры Друцкой (Друцк, Витебская область современной Беларуси). Ульяна Гольшанская (1375—1448) была ее теткой и дочерью князя Ивана Гольшанского и Агриппины Смоленской.

Ульяна Гольшанская вышла замуж за Великого князя Витовта Кейстутовича (1350—1430). Племянница ее, Софья Гольшанская (1405—1461) обвенчалась (1422) с двоюродным братом Витовта, польским королем Владиславом Ягайлаи и 5 марта 1424 года была коронована. Она стала родоначальницей династии польских королей Ягеллонов, так как от брака Ягайла с королевой Ядвигой и двумя другими женами сыновей у короля не было.

Гольшаны – родовое поместье князей Гольшанских
Наполеон Орда (1807—1883) акварель

Семейство Гольшанских князей особо отмечена в истории Беларуси (Литвы) своими сыновьями и дочерьми. Его представители были и наместниками Великого киевского князя и новгородского, и великими гетманами литовскими, и воеводами.

И снова просветительство, «книжность», как результат семейного воспитания, понимание смысла образования в государственном устройстве, хотя и на чужой земле, в Польше, отличает еще одну гольшанскую дочь, жену польского короля Владислава II, Софью Гольшанскую. И хотя существует предположение польских историков, что она научилась читать уже после свадьбы, именно, Софья оказала существенную финансовую поддержку Краковской академии и была единственным покровителем этого учебного заведения. Кроме того, Софья Гольшанская стала зачинательницей, покровительницей и участницей первого перевода и издания на польский язык Ветхого Завета (1453—1455), так называемой, «Библии королевы Софьи» (Википедия).

Видимо, эта ее деятельность и не дает покоя до сих пор национальным историкам в Польше.

Реверс памятной медали, выпущенной Нацбанком Республики Беларусь к 600-летию со дня рождения Софьи Гольшанской

Ягайло и Софья

Оба сына Софьи Гольшанской благодаря настойчивости и дипломатии матери стали королями – Владислав III и Казимир V. Еще одна женщина из этой семьи, Татьяна Гольшанская, единственная дочь Семёна Юрьевича Гольшанского, стала женой Великого гетмана литовского Константина Ивановича Острожского (в гетманстве с 1497 по 1500), известного своей победой под Оршей над русскими, московскими войсками.

Завершить этот список замечательных женщин рода Гольшанских я хочу «Иулианией, княжной Ольшанской», а подробные сведения об этом легендарном семействе собрал наш современник, их потомок В.А.Ольшанский, кого я, с благодарностью, цитирую (текст и рисунок из сайта <http://www.olfamily.ru/iuliania.htm>).

«Монахи, копая около стен Успенского собора Киево-печерской Лавры могилу для знатной женщины, наткнулись на более раннее захоронение. Копающие неожиданно нашли честные мощи святой богоугодной княжны Иулиании, почивающие в нетлении. Умершая лежала как будто живая – уснувшая; тело ее было благообразно и бело. Почившая была одета в многоценную, украшенную шелковыми и золототкаными обложениями одежду; на шее были надеты золотые гривны со многими бисерами, на руках – золотые драгоценные кольца, на голове ее – девический золотой венец

с бисерами; в ушах были золотые серьги, украшенные золотыми бисерами и драгоценными камнями. Лежала она при церковной стене, головой на юг и ногами на север. Над ракой ее был положен камень, на котором было начертано знамя, или герб, благочестивых князей Ольшанских. На самой же раке прибита серебряная, позолоченная дощечка, на ней изображен герб, а под ним надпись: „Иулиания, княжна Ольшанская, князя Григория Ольшанского, преставившаяся девой, в лето от рождения своего 16-ое“. На лежащем над гробом камне и прибитой к гробу табличке был изображен древний герб князей Ольшанских-Дубровицких, одной из ветвей этого рода, носивших двойную фамилию по названию главного их удела Дубровицы. Эти события, имели место при архимандрите Елисеи Плетенецком (1599—1624). Далеко не каждый род может похвастаться своей святой. А род Гольшанских может! Святая праведная дева Иулиания, княжна Ольшанская, имя этой православной святой особо почитаемо на Украине. Святая Иулиания почитается в соборе не только Печерских святых, но также и Волынских, и Беларуских» [14]).

Святая праведная Иулиания княжна Ольшанская

В 1556 году умер последний князь Гольшанский, Семен Юрьевич, и за неимением прямых наследников мужского пола, княжество Гольшанское было поделено между его сестрами. Гольшаны отошли к Алене Гольшанской и ее мужу Павлу Сапеге, то есть стали собственностью другого могущественного семейства Великого Княжества Литовского – рода Сапегов, и с тех пор Гольшанский замок стал их родовым имением. Чтобы не возвращаться снова к истории Гольшанского замка и семьям Гольшанских и Сапег, скажем пару слов об их судьбе.

Сапег сыграл роковую роль в этой истории. После участия Сапег в восстании за возрождение Речи Посполитой и Великого Княжества Литовского, российское правительство забрало все родовое имущество Сапегов в государственный фонд. Сапег эмигрировали во Францию, а Гольшаны, как и многие другие земли, надель, села и родовые замки, передавали русским царедворцам и помещикам. Родовое имение Гольшанских передали русскому помещику Горбаневу. Горбанев распоряжался доставшимся ему имуществом своеобразно: он потихоньку разбирал замок и продавал ценные старинные кирпичи» [15].

Но вернемся на несколько столетий назад, к другим родам и семьям Великого Княжества Литовского. Некоторым из них удалось продлить славу и могущество своих родов до окончательного разорения княжества, до исчезновения его, растворения в безднах истории других государств. Удивительные жены из Литвы вовлекали свои роды, иногда с другими фамилиями, в истории других государств, в других землях.

Женщины Беларуси-Литвы отличались не только мужеством и волей, их воспитывали в традициях верности, чести и гордости за свой род, свою семью. Еще со времен Ивана Калиты московские князья заключали союзы с князьями ВКЛ, привлекая их к борьбе за верховную власть. Их предок Иван I Калита, отец Симеона Гордого заключил мирный договор с Геди-

мином, и скрепил этот договор браком своего сына Симеона Ивановича с дочерью Гедимина Аугустой (в крещении Анастасией).

Династические союзы часто позволяли женам не только вмешиваться, но, по необходимости, и управлять сопредельными княжествами. Дочь Великого князя литовского Витовта, княгиня Софья Витовтовна, после смерти своего мужа Великого князя московского, Василия I (1371—1425), управляла Московским княжеством, по завещанию, из-за малолетства своего сына, будущего Великого князя Василия II. (Василий II Темный родился в Москве 10 марта 1415 года).

Софья Витовтовна попала в историю еще и ярким поступком на свадьбе сына, ставшего Великим князем, Василием II («Тёмным»). Во время свадебной церемонии (1433 год) Софья «публично сорвала с Василия Юрьевича Шемяки золотой пояс, якобы украденный в прошлом у Дмитрия Донского тысяцким Василием Протасьевичем и со временем попавший к Василию Косому» (Википедия).

П. Чистяков, «Великая княгиня Софья Витовтовна на свадьбе великого князя Василия Темного», 1861
(дом-музей Чистякова, Царское Село)

Наступило XV столетие, в котором появляется новая героиня из Великого Княжества Литовского, Елена Васильевна Глинская (1508—1538).

Великая княгиня московская, дочь князя Василия Львовича, которая была из литвинской семьи князей Глинских, в 1526 году стала женой Великого князя Василия III Великого, внука Софьи Витовтовны, и родила ему двух сыновей, Юрия и Ивана, будущего «государя Всея Руси», Ивана «Грозного».

После смерти мужа, в декабре 1533 года Елена Глинская совершила переворот, отстранив от власти, назначенных по завещанию мужа, опекунов и стала единоличной правительницей Великого княжества Московского.

Елена Глинская (ок.1508— 4 апреля 1538) жена московского великого князя Василия Ивановича, мать Ивана Грозного, регентша на время его малолетства

Как и многие другие правители России нерусского происхождения, образованная и дипломатичная, владеющая многими языками, Елена Глинская вызывала антипатию у малопросвещенного окружения, у боярства, борющегося за власть. Однако, именно она заключила выгодный мир с польским королем Сигизмундом I и провела ПЕРВУЮ денежную реформу в Московском княжестве. По всей видимости, ее отравили претенденты на княжество бояре Шуйские, и она умерла 3 апреля 1538 года в возрасте 30 лет. Так закончила свое короткое управление ПЕРВАЯ после Великой киевской княгини Ольги, женщина-правительница русского княжества (реконструкция скульптурного портрета Елены Глинской выполнена С. Никитиным, Википедия).

Пожалуй, настало время упомянуть о самой первой, «Святой равноапостольной Великой княгине Российской» Ольге. О ней известно, что родом она из княжеской династии

Изборских, владельцев Изборска, одного из древнейших городов, упоминаемых в летописях вместе со Смоленском и Полоцком. А были эти земли территорией расселения кривичей или полочан, что для нас, примерно, одно и то же (Википедия).

В древних хрониках сохранилась и имя «равноапостольной», «Вольга», что до сегодняшнего дня является распространенным именем у белорусов с идентичным правописанием. И уж когда встречаешь сведения о «Вольге» в списке «100 великих украинцев», то невольно берешь в руки источники и находишь откуда родом Великая княгиня. До сегодняшнего дня сохранились в Псковской области топонимы мест расселения древних кривичей – «Выбуты» – легендарное место рождения Св. равноапостольной княгини Ольги, и деревня Волженец (от Вольги). И как-то неловко называть ее «Великой княгиней Российской», как записано во всех русских энциклопедиях. Россия-то появиться только через семьсот лет... Впрочем и Псков будет основан позже её рождения и опять же кривичами-полочанами.

Естественные родственные отношения и развивающиеся семейные связи жен и дочерей ВКЛ и Польши с Московскими князьями, а позже с Российской державой фактически прервались в XVIII-ом столетии после трех разделов Речи Посполитой и исчезновения с политической карты Европы Великого Княжества Литовского и Польского королевства. Но до этого «смутного времени» общественная жизнь ВКЛ развивалась, как стремительно развивались новые государства и внутригосударственные отношения во всей Европе. Но вернемся к XVI столетию.

В 1585 году в семье случкого князя Юрия Алельковича и Катерины из рода белорусских магнатов Кишка, в местечке Любча, в Любчанском замке родилась девочка Софья – «Алелька» (Случк – город в Минской области).

Любчанский замок, построен в 1581_году
(пос. Любча, Новогрудский р-н, Гродненской обл. Беларусь)

Вскоре скончались ее отец и мать, девочку на воспитание взяли родственники Алельковичей, известные всему Великому княжеству, магнаты Хадкевичи, Ян Кароль Хадкевич (1560—1621) с 1600 года гетман, военачальник и один из организаторов войска ВКЛ. Когда Софье исполнилось 15 лет, в 1600 году, Хадкевичи выдали ее замуж за князя Януша Радзивилла (1579—1620), «подчашего литовского» с 1599 года, каштеляна, члена сейма с 1619 года. Перед свадьбой Софья поставила условием крестить своих будущих детей по православному обряду.

Случкие князья неукоснительно придерживались православия и чтили его традиции. Неизменность духовным идеалам была свята для Случких князей.

Янушу Радзивилу пришлось согласиться с требованием невесты. Участие в войне со Швецией и сразу же после нее с Москвой надолго разлучили молодых супругов. Софья посвятила себя благотворительности, просвещению края и религиозной деятельности. Была яркой противницей униатства и пыталась ввести запреты на переходы православных в униатскую веру [16]

Просветительница, святая Софья Слуцкая Радзивилл – «Аленька»

Софья раздавала деньги бедным, помогала больным, опекала гонимых единоверцев. Много жертвовала она православным монастырям и церквям, материально поддерживала церковные братства, начала строительство нескольких больниц для бедных, совершила паломничество в святые места. София умерла во время родов (1617 год), не выжила и её дочь. Софью, как последнюю из рода Амелькавичей погребли в Слуцком Свято-Троицком монастыре. Она канонизирована и причислена к

Лику святых (портрет Софьи Слуцкой из сайта «Спадчына, Асветнікі зямлі беларускай» <http://spadchyna.net/index.php?id=29&Itemid>)

Церковь признала в ее лице заслуги перед Богом всего рода Амелькавичей, который на протяжении веков по сути был семьей рыцарей православия (Минск 2012 год, фото Антон Сурыпин) [17].

Вернемся к самой могущественной семье Великого княжества – Радзивиллам, история этого рода – это концентрированная в одной семье история ВКЛ и Беларуси.

Замок Радзивиллов г. Несвиж Минская область

В XVIII столетии в семье Радзивиллов, в родовом замке семьи, появилась неординарная личность – писательница и основательница Несвижского театра Францишка Урсула (13.2.1705 – 23.5.1753) из княжеского рода Вишневецких. В этих семьях дочерям давали лучшее по тем временам домашнее образование и Урсула рано начала писать стихи. Писала на польском языке, вся семья говорила по-польски, белорусский язык считался в то время «мужицким». А польский, как французский в русском обществе, был языком высшего света и стал необходимым для продвижения по карьерной лестнице белорусской шляхты.

Хотя все три «Статута Великого Княжества Литовского» (1529, 1566 и 1588 гг.) были написаны на старобеларуском, работали «друкарни» (типографии) печатавшие на старобеларуском языке книги, наступило время вытеснения этого языка из государственного обращения и ограничения в правах белорусской шляхты. Заключительный акт трагедии был оформлен «Постановлением Конфедерации Сословий Речи Посполитой» (1696 год), запрещавшим делопроизводство на белорусском языке. Приходилось «соответствовать» времени, наступала «полонизация» края.

Францишка Урсула Радзивилл (1705—1753)

В 20 лет Урсула вышла замуж за несвижского князя Михаила Казимира Радзивила – «Рыбанька» (1702—1762), из старшей ветви Радзивиллов. Громадное состояние семьи и понимание своей культурной миссии в ВКЛ позволило накопить богатое, исторически ценное наследие в Несвижском замке. Это была, в первую очередь, одна из самых крупных в Европе библиотек, насчитывающая около 20 000 томов. Францишка Урсула создала театр, писала для него пьесы и либретто для оперных постановок. Уже после ее смерти, в Несвиже, в 1754 году был издан отдельным томом сборник драматических произведений, включивший 16 ее пьес и 17 оперных либретто с гравюрами (портрет Урсулы Радзивилл сделан Г. Лейбовичем, Википедия) [18].

При нём был восстановлен Мирский замок, сожженный шведами в 1706 г., некоторые интерьеры приобрели дворцовый облик (1738). Вместе с матерью, Францишкой Урсулой, «Рыбанька» основал мануфактуры ткачества в Несвиже, Слуцке и Кареличах, стеклоделия в Налибоках и Уречье, фаянса в Свержене.

Мирский замок Радзивиллов, XVI век
Мир, Гродненская обл., Беларусь

Князья-меценаты, покровители искусств и наук в ВКЛ, могущественные Радзивиллы, внесли особый вклад в историю, в развитие культуры княжества, создали высокую общественную атмосферу ВКЛ, были инициаторами экономического подъема государства. Особняком стоят воинственные Великие гетманы из семьи Радзивиллов, как «Литовский Геркулес» – Ежи (Юрий) Радзивил (1480 – 1541), Микалай «Рудый» (Николай Радзивил, 1480 – 1541), Микалай «Чёрный» (1515 – 1565), и его сыновья, один из которых князь Микалай-Кшистоф «Сиротка» (1549 – 1616) получил Несвижскую «ординацию» в 1584 году

(«ординация» – неделимое и неотчуждаемое имущество, усадьба, которую нельзя было ни продать, ни заложить).

Надо вкратце остановиться на личности Микалая (Николай – рус. яз.) Радзивилла «Черного», так как с него начинается не только усиление могущества ВКЛ, но и поворот Литвы в сторону Польши, постепенная «полонизация» литвинской (беларуской) шляхты, отмеченная историками, а, кроме того, значительный экономический подъем Великого княжества. В 1556 году Микалай Радзивилл «Черный» проводит аграрную реформу, которая позволила каждой крестьянской семье получить во владение волоку (21 гектар) земли. Земля была размерена так, чтобы каждое хозяйство имело землю одинакового качества. Теперь благосостояние крестьянина зависело не от везения, а от умения качественно вести свое хозяйство...

Новая система хозяйствования дала возможность увеличить урожаи зерновых, так что рожь и ячмень начали вывозить на продажу за границу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.